

ГРЯДУЩИЕ ПЕРЕМЫ В МИРОВОЙ И РОССИЙСКОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, зам. главного редактора журнала «Социологические исследования», профессор Российского государственного гуманитарного университета (romanival@yandex.ru)

Аннотация. В статье представлен обзор перемен в современной теоретической социологии за минувшие два-три десятилетия с позиции работника журнала «Социологические исследования», курировавшего в эти годы соответствующие рубрики. Предложено считать основной движущей силой перемен в социологии и в ее теоретических разделах перемен в мире, в частности формирование его многополярности. Деколонизация стран и континентов к настоящему времени активизирует ученых, чьи подходы к социологии отличны от формировавших социологию М. Вебера, Т. Парсонса и др., в чем-то противостоят им и ищут концепции, адекватные социальной реальности освободившихся стран и народов в прошлом и настоящем. В этом ряду факторов – и качественно новый инструментарий социологии, связанный с возможностями цифровизации. Обсуждается и такая перспектива перемен в социологической теории, как выход социологии на уровень «социальной науки». Отмечено, что содержательным стержнем перемен в социологическом теоретизировании в последние десятилетия становятся гуманизм и «повестка» левых – справедливость, равенство, развитие общества и индивидов и др. В заключение рассмотрены основные процессы в российской социологической теории.

Ключевые слова: современные социологические теории • факторы перемен • цифровизация • социальная наука • гуманизм • постколониализм • «левые» социологи • российская социология

DOI: 10.31857/S0132162524060023

Научному журналу, стремящемуся быть актуальным для сообщества профессионалов, нельзя время от времени не возвращаться к ключевым проблемам нашей науки, не осмысливать её фундаментальные проблемы и вытекающие из такого анализа перспективы развития социологии. К проблематике теоретических основ своей дисциплины авторы журнала «Социологические исследования» в постсоветское время обращались постоянно: того требовала ситуация в науке и в стране. Автор статьи тоже выступал в научных изданиях по данной тематике. Эти выступления не могли не отражать специфику времени. Так, в статье 2014 г. [Романовский, 2014] говорилось о роли теоретической социологии: отечественным социологам, как представлялось автору, следовало в те годы серьезнее подходить к развитию теоретических разделов социологии. Содержательно такие шаги виделись и как самостоятельные разработки в специальных социологических областях, и как движение к общесоциологическим «большим теориям». Однако слово «роль» в заголовке в 2014 г., по состоянию в мировой и российской социологии, сейчас неточно характеризует складывавшуюся проблемную ситуацию. Циркулировавшие тогда в российской литературе оценки – буду самокритичен – исходили из того, что состояние мировой теоретической социологии виделось стабильным на обозримый период. Несколько преувеличенными сегодня представляются акценты на переводах зарубежной социологической литературы и вытекающие из этого обстоятельства ожидания. Однако отметим новые процессы, тренды, лица, влияющие на новую ситуацию к 2024 г., а также новые проблемы. Этим изменениям следует уделить внимание по следующим соображениям.

Сравнение ситуаций 2014 и 2024 гг. позволит выявить факторы динамики, движущих сил, детерминант развития социологической науки, развития теоретической социологии. Перемены в мире, мировой и европейской социологии, МСА и т.д., тогда лишь обозначившиеся или разворачивавшиеся, решающим образом поспособствовали подвижкам и в теоретических разделах социологического знания, и в подходах к теоретической проблематике.

Тема социальных перемен. В теоретическом плане она анализировалась П. Штомпки в работе, переведенной на русский язык [Штомпка, 1996]. В частности, было показано, что перемены, как правило, несут глобальный характер, но в разных социумах – особенно различающихся уровнями модернизации – проявляются по-разному, оставаясь частью целого. Этот подход эффективно применим к проблематике перемен в социологии современной России как части целого (мирового социологического сообщества) и к проблематике подвижек в теоретической социологии. Сегодня возобладали осознание того, что мир меняется фундаментально. Приходит конец гегемонии, доминированию Запада в социологии. Эта глобальная подвижка специфически фиксируется наукой и массовым сознанием, с естественным запаздыванием. Так, сдвиг в видении мира в 1999 г. фиксировал индийский мыслитель Д. Чакрабартти в труде «Провинциализация Европы». На русский язык книгу перевели с двадцатилетним интервалом. Хотя в моей статье в 2014 г. этот сдвиг был отмечен цитатой из материалов очередного конгресса МСА: «Общества, на которые привыкли смотреть как на модели для подражания, потеряли свой статус моделей и привлекательность» (цит. по: [Романовский, 2014: 99]). Формировавшиеся в тот период подходы к социологической теории в дальнейшем обрели основания, все более отличавшиеся от североамериканских и европейских.

Ко времени конгресса 2023 г. в Мельбурне факт, обозначенный выше, обсуждался в принципиально новых рамках. Вот как их сформулировал австрийский социолог Ф. Вельц (Зальцбургский университет): «В конце XIX в. несколько мыслителей сумели создать новые инструменты познания, позже названные “социологией”, а еще много позже – “европейской социологией”. Во-первых, нужно деконструировать три мифа о ней: 1) “миф о данности”¹ “европейской социологии”; 2) миф о ее когерентности; 3) миф о ее универсальной применимости. Во-вторых, против этих трех мифов и в отношении современной социологии я утверждаю, что нужно переоценить шансы открытого общего проекта международной социологии, корни которой – в исторических основаниях социологической мысли, изначально разработанной конкретно для понимания социальных² обществ Европы»³. Такая постановка вопроса говорит о движении к науке, заметно отличной от недавно, если не общепринятой, то доминирующей.

В условиях перемен в реальном современном мире и перехода к «постзападной» социологии пересматриваются теоретические основания социологии «уходящей» и ведется поиск контуров социологии «становящейся». В такой ситуации социологи мира для решения возникших задач избрали «диалогическую социологию» (подробнее см.: [Кирдина-Чэндлер, 2023]. Конгресс в Мельбурне ориентировал мировое сообщество социологов на диалог по первоочередным задачам нашей дисциплины, включая задачи теоретического характера. С. Ханафи (президент МСА до конгресса 2023 г.) характеризовал сложившуюся ситуацию и пути ее разрешения следующими словами: «диалогическая социология строится на исправленной версии политического либерализма Роулса⁴, включающей культуру и общности, не только автономных индивидов. Она исходит не из метафизических посылок, абстрактных идеалов, а из мира, в котором она (диалогическая социология. – Прим. Н.Р.) действует – т.е. из движущихся культур, не культур как неподвижных, однородных, вечных

¹ Не было ли в мыслях автора этих слов неземного «Свыше»? – НР.

² В тексте – “welfare societies”.

³ С. 816. Book of Abstracts. ISA XIX World Congress of Sociology. URL: <https://www.isa-sociology.org/uploads/imgen/1579-isa-wcs2023-book-of-abstracts.pdf> (дата обращения: 19.04.2024).

⁴ Rawls J. – автор трудов о честности и справедливости (justice), правосудии.

единиц» [Sari Hanafi, 2024: 5]. Журнал MCA «Глобальный диалог» (Global Dialogue – выходит три раза в год на ряде языков мира, включая русский) в первом номере текущего года начал публиковать материалы, в которых реализуется данная установка. В первом номере 2024 г. журнала С. Ханафи обсудил с китайским ученым Чжао Тиньяном «систему Тянься», «умную демократию» и отличие западных подходов к политике и демократии от выдвинутых китайским ученым положений. Говоря о Китае, отмечу и огромный интерес, который на Западе вызвала в свое время китайская этика деловых отношений «гуанси»⁵ (ее обсуждение отражено нашим журналом, см., напр.: [Барбалет, 2017]).

Чувствительность социологов к социальным «отличиям» (культурным, исторически обусловленным, цивилизационным⁶ и т.п.), несомненно, будет формироваться и развиваться в широких рамках глобального диалога. Выше упомянут диалог С. Ханафи с ученым из КНР о демократии и этике международных отношений. Не менее интересен и важен был бы разговор с учеными из арабского мира, где специфичны – отличные от европейских – представления, например, о социальном времени [Смирнов]. В частной беседе с профессором Зафар Имаммом (Индия) непривычно для меня прозвучала и запомнилась мысль о методологическом подходе к острым социальным проблемам этой страны речь шла о кастах: «Мы к острым проблемам общества подходим на так, как вы. Мы стремимся не решать их, а жить с ними». В недалеком прошлом социологи активно обсуждали японскую этику «служения», сложившуюся при феодализме, а в XX веке укорененную в «служении» корпорациям, и т.д. и т.п.

Воздействие признания социального многообразия на социологическую теорию. Осознание того, что мировая история несводима к истории Европы, США и близких им стран⁷, повлекла за собой пересмотр истории теоретической социологии, регионов, культур, цивилизаций, охвативший и методологию создания историко-социологических трудов. История социологии, история теоретической социологии предстают, как правило, со страниц учебников и части монографий как более или менее удачно подобранная вереница творческих портретов ученых; соответствующие данные излагаются авторами таких трудов во временной последовательности, группируются в родственные течения мысли, – более или менее удачно. Но такая аранжировка, скорее всего, даст читателю не историю научной мысли или социологической теории, а сумму портретов социологов-теоретиков. При таком подходе страдает разработанное социологами теоретическое знание. У читателя таких текстов складывается приблизительное представление о динамике социологической науки, ее теории, о факторах и способах развития этой теории⁸.

В последние годы в «портретной галерее» классиков социологии начались переоценки. Пишут о закате классиков (например, М. Вебера). Осуждают неприглядные дела Т. Парсонса, Р. Мертон и др. в американской социологии. Обязательной нормой для облика социологии некоторых стран становятся классики небелой расы и женщины. Неполиткорректными признаны высказывания о людях черной расы мусульманского социального мыслителя XIII века, профессора каирского университета «Аль-Азхар» Мухаммеда Ибн-Халдуна⁹. Напротив, Г. Зиммель и Г. Тард упрочили позиции в пантеоне классиков.

⁵ «Гуанси» западные аналитики считают важной предпосылкой экономического рывка вперед Китайской Народной Республики.

⁶ Существом ли сегодня исламский цивилизационный проект? // Современные глобальные вызовы и национальные интересы: XVI Международные Лихачевские научные чтения, 19–21 мая 2016 г. СПб.: СПбГУП, 2016. С. 229–232.

⁷ Имперских, империалистских (в терминах марксизма), рабовладельческих, расистских, колониаторских и т.п., на критике которых сосредоточена «постколониальная» теория.

⁸ Прибегну к сравнению, понимая его ущербность и эффективность как научного метода. Какое представление о войне 1812 года сложится у рассматривающего в Эрмитаже галерею портретов полководцев победоносной российской армии? Уверен – без фундаментальной подготовки к погружению в портретную живопись – итог созерцания будет самый поверхностный.

⁹ URL: <https://www.quora.com/Was-Ibn-Khaldun-racist-or-was-he-just-telling-the-truth-about-black-people-in-his-writings> (дата обращения: 19.04.2024).

Не стану множить примеры подобных переоценок. Видимо, обновляемая глобальная социология, альтернативы, которые в ней формируются и реализуются, – проблемный объект пристального внимания в среде современных социологов, работающих в жанре «социологии социологии».

Пока доминирует понимание ключевых конструкций современного социального знания и мировоззрения, «западных», европоцентристских и т.п. по своим корням: модерн, модернизация (в десятилетиями насаждавшихся вариантах), глобализация и пр., включая пласт теорий специальных социологических дисциплин. Затронуты переменами в понимании ситуации в мировой социологии и своего места в ней так называемые развитые страны. «Незападной» части человечества еще предстоит обрести «свое лицо» в теоретической социологии (не касаясь анализа конкретных социальных проблем внутри и вовне этих стран). Одновременно – на иных, неизбежно разнообразных основаниях – мировое сообщество социологов видит свою задачу двигаться к действительно глобальным представлениям о социологии будущего, общей для человечества науке. Такие процессы занимают десятилетия, если не несколько поколений.

Социальные мыслители, ученые-социологи мира оказались перед задачей осознания (и еще более сложной задачей переосмысления) социальной реальности «своих» стран и регионов как одного из «ряда» возможных путей развития и сложившихся обществ, а в них – и те социальные реальности, которые все вместе сформируют грядущий контекст новых социологии и социальных наук. Старое будет мешать новому; традиции всегда довлеют над умами живых. Впереди множество путей. Методология «диалога», предлагаемая Международной социологической ассоциацией, выглядит удачной при решении подобных задач. Нужно, однако, понимать: когда задачи обозначенного этапа будут решены, потребуются новый поиск – теоретических оснований социологии на новом этапе ее истории как действительно глобальной науки, определения сущности такой социологии и образующих ее социологий.

Расставание с европо-американской моделью теоретической социологии стоит в тесной связи с важной гранью нашей науки и социальной реальности. Эта грань маркируется термином *цифровизация*, «цифра», – большие данные, данные камер наблюдения, цифровая агентность, искусственный интеллект, геолокация, автоматический анализ текстов, нейросети и т.д. и т.п. *Потенциально «цифровизация» изменит формы и содержание научной деятельности ученых, освободит их от операций, сегодня требующих массу времени и сил. Очевидна огромная экономия времени, уходящего сейчас на поиск и ознакомление с литературой по предмету, с трудами предшественников, на поиск и подготовку инструментария, работу с данными, сопоставление результатов с наработками предшественников и т.д. Все это (и многое другое, например, переводы) берет на себя «цифра».* То, что сегодня, повторю, занимает большую часть обучения и работы социолога, уйдет в прошлое. Но не теоретическая работа.

Последствия цифровизации – благо для человечества. Но и проблема, даже угроза для социологии, для тех социологов, которые окажутся неспособными отреагировать на связанные с цифровизацией перемены в профессиональном поле. Есть ли основания для такого прогноза? На мой взгляд, да. Компьютер не первое десятилетие экономит время и силы ученых, ненавязчиво, даже факультативно требуя взамен усилий на иных компонентах научного труда. И здесь речь идет о новых уровнях, о глубине и качестве теоретической мысли не просто об обнаружении – о выявлении, маркировке и презентации добытого знания. Резко вырастут требования к теоретической новизне, к практической важности и эффективности и т.п. На такого рода перемены уйдут десятилетия. Оценочно они коснутся 70% рабочих операций сегодняшних акторов поля теоретической социологии.

В отечественной социологии отдают должное данной проблематике. Публикуются статьи и монографии, с 2018 г. выходит журнал «Цифровая социология». Цифровые трансформации в сферах, в частности, больших данных, ИИ нашли отражение на страницах

нашего журнала. Но это только начало. Думать о неизбежных качественных переменах надо сейчас, корректируя адаптацию будущих социологов к обновляющимся основам функционирования науки и ученых общества будущего.

Воздействие цифровизации на социологию многообразно в своих последствиях для стран и регионов мира с резко контрастной социальной реальностью. На конгрессах МСА проблематика цифровизации пока еще оказывается не в фокусе внимания большинства участников: для многих пользование компьютером, видимо, затруднено (так же, как и качественное социологическое образование). От социальных контрастов никуда не деться. У нас в стране есть регионы, по уровням модернизации серьезно уступающие столицам, экономическим и научным центрам. Надвигающиеся перемены в социологии, повторюсь, будут глубоки и болезненны. Нельзя забывать об этом ученым страны, где социология десятилетиями «как бы» не существовала, а изобретательность администраторов от науки и вузов не раз повергала в изумление. Представляется важным продумывать возможную реакцию научного сообщества на вызовы и перемены, вплоть до неприятных и кому-то кажущихся маловероятными, но становящихся реальными.

О настоящем и будущем социологии. Тревожиться за будущее социологии как дисциплины и профессии меня заставляет ряд обстоятельств. Начну с того, что желающих избавиться от социологии (и не только от нее) сегодня по разным мотивам достаточно. Жили когда-то без нее, и дальше проживем! Тут и «культура отмены» может свое слово сказать. Но, кроме «отмены», нельзя не видеть исторических фактов прошлых кардинальных перемен в структуре поля наук – не только социальных, гуманитарных, наук о человеке и т.п. Перспективу развития социологии и ее трансформации в *социальную науку* следует мыслить как объективно возможным.

Собственно говоря, такого рода перемены идут постоянно; еще полтора века назад двери университетов были закрыты для социологии. В словарях западных ученых понятия «социологическое знание» и «социальное знание», так же, как социальные и социологические теории, – нередко отождествляются, вплоть до наших дней. В СССР сфера общественных наук была монополией истмата. Точнее – тех советских академиков, кто полагал, не говоря об этом вслух, подобно известному королю Франции, что «истмат – это я». Ей отводилась роль одного из разделов марксистско-ленинской философии. В постсоветские годы наш журнал публиковал статьи д.филос.н. Ю.М. Резника о перспективах движения к социальной науке. Историческая социальная наука (как дисциплина – сменщица социологии) обсуждалась в свое время учеными Германии; ее родоначальником тогда представляли М. Вебера. О социологии как истории, из которой удалены не относящиеся к видевшейся ему науке об обществе имена и даты, говорил О. Конт. Социология в суждениях нашего соотечественника А.А. Зиновьева тоже вызывает в памяти «тьму» некоей социальной науки, представлявшейся, на мой взгляд, этому ученому в качестве рамки его суждений о социологии. Его нередко представляют социологом; но, вероятно, дисциплинарную принадлежность наследия А.А. Зиновьева следует обсуждать тем, кто изучает его творчество. Он того заслужил.

Повторюсь: о возможной трансформации социологии в «социальную науку» не стоит забывать, здесь показательны схватки вокруг дисциплинарной «идентичности» социологии. Некоторые авторы, включая Э. Гидденса, относят социологию к наукам эпохи модерна. Формирующаяся вокруг «дисциплинаризации» наук об обществе ситуация еще станет вопросом вопросов в нашей науке, и социологам-теоретикам не следует сторониться этой перспективы хотя бы потому, что в противном случае ею в своих интересах займутся другие – с неизвестным исходом для социологии.

Рано или поздно перед каждым могут встать проблемы, сейчас кажущиеся абстрагированными: что такое наука, теория, социальное? От научных ответов на эти вопросы зависимо всё сообщество социологов, настолько они жизненно важны. Эта фокусировка будет определять реальную принадлежность к клану ученых, сегодня выглядящую формальной, должностной – атрибутом штатного расписания.

Этот вопрос я бы считал целесообразным каждому формулировать для себя примерно так: что такое социология как наука, в чем ее суть, что она дает и может потенциально дать городу и миру, *urbi et orbi*, и т.д., в сравнении с другими научными дисциплинами, – хотя бы только «соседями» и прямыми конкурентами? Очень важной для социологии будет реакция на разворачивающиеся перемены и в смежных с социологией социальных и гуманитарных науках. А реакции «у соседей» не может не быть, – не менее далеко идущей и чувствительной, чем в недалеком прошлом, когда происходила перекройка поля социально-научной деятельности, оставшегося от советских времен.

Соперничество вокруг дисциплинарных наук об обществе и человеке, по поводу их облика и содержания идет незаметно и будет разворачиваться во всем мире, хотя бы, в частности, под воздействием цифровизации. Здесь новое поле для социологического воображения: в одной из статей, недавно опубликованных в нашем журнале, например, говорится о близости социологии с медициной (оценка эта дана до пандемии COVID-19) [Тернер, 2023: 14]; о том, что социальную реальность сегодня трудно мыслить вне проблем экологии; и т.п. До недавнего прошлого было принято считать, что круг проблем наук-«соседей» следует оптимально теоретизировать через призму междисциплинарных взаимодействий. Это, без сомнения, делать нужно. На двух Харчевских чтениях, посвященных собственно междисциплинарности и метатеоретизированию, этот вопрос рассматривался. Но рамки междисциплинарности могут оказаться неэффективными перед лицом развертывания потенциала цифровизации. Науки, изучающие разные стороны социальной реальности, уже сейчас пытаются «рефлектировать» вероятность образования общего поля дисциплины «социальная наука». Безусловно, ясно одно: в науке ученым следует действовать научно – изучать данную перспективу, анализировать логику процессов в науках об обществе и о человеке. Если возможность начнет обретать форму вероятности, тем более – материализоваться, в первую очередь действовать нужно, как принято в науке, – взвешенно, с минимизацией возможных ошибок, и избегая не относящихся к научной сфере шагов. Науке показаны практические действия наподобие гегелевского «взаимопроникновения» дисциплин, их «когерентная коллаборация»¹⁰.

Автор в работе над настоящей статьей исходил из того, что социология – с важной оговоркой об относительно недавнем её пребывании в статусе признанной науки, что до сих пор кое у кого вызывает «подозрения» – может с уверенностью говорить о ряде своих преимуществ именно как социальной науки, о своих качествах, отделяющих эту форму человеческого знания от «соседей» по карте наук. Достоинства социологии – это ее «прирожденные» объект, методы и методология: человек, общество, точность, непредвзятость, открытость к взаимодействиям, прецизионный инструментарий, просторная эмпирическая база, эксплицитный гуманизм и пр. В быстро меняющейся ситуации в мировой социологии XXI в., безусловно, целесообразно продумывать и другие аргументы такого плана. Думаю, что каждый социолог-исследователь смог бы добавить к сказанному мною свое видение данной проблемы.

Социология таит еще много неожиданностей для научного знания об обществе и человеке. Среди актуальных для развития нашей науки процессов обращу внимание читателей на вопрос об идентификации наиболее активного и эффективного «отряда» социологов,двигающих вперед разработку теоретических проблем и основ современной социологии. Для знакомых с историей нашей дисциплины ученых известна естественная, порожденная в том числе и обстоятельствами личного плана, увлеченность социологов и XIX, XX, и XXI веков социальной проблематикой¹¹, продиктованной общественно-исторической повесткой дня, жизнью самих ученых и их окружения. Агентность в современной социологии тех, кого по политическим взглядам считают «левыми», – имеет ту же

¹⁰ Точная и важная формулировка д.социол.н. Г.Г. Татаровой.

¹¹ Порой массовые безработица, нищета, в лучшем случае – прекарность, наследие колониализма, расизма, цены и т.п. принимают за пределами драматические формы.

предпосылку во всех частях света. Левые настолько активны в социологии, что впору считать ее левой наукой; именно она привлекает к себе тех, кто не может мириться с массовыми бедрами и лишениям людей в капиталистических странах. «Левые» в политике сегодня – это политические группы и идеологии, цели которых, в частности: социальное равенство, социальная справедливость, создание равных возможностей, перераспределение доходов и богатства, улучшение жизненных условий наименее привилегированных слоев общества, смягчение раскола общества и др.

Марксизм дал наиболее убедительный в мировой науке и подтвержденный практикой анализ болезненных социальных проблем, предложил способы их разрешения. Большую (возможно, самую большую) группу социологических концепций можно было бы маркировать с использованием слова «марксизм», если бы не нынешнее множество «марксизмов», почти ничего не оставивших читателям от оригинала (см.: [Фильк, Рам, 2015]). Марксисты на протяжении всего XX в. позиционировали себя как «левые», объединенные в коммунистические, наряду с социалистическими и прочими, партии. З. Бауман, М. Буравой, П. Бурдьё, И. Валлерстайн, Э. Гидденс, Дж. Го, А. Гоулднер, А. Грамши, А. Мартинелли, Д. Лукач, Ч.Р. Миллс, Т. Пикетти, М. Поланьи, Э.О. Райт, А. Турен, Н. Фрэйзер, М. Фуко, Ю. Хабермас, А. Хоннет [Хоннет, 2022] – далеко не полный “list” тех, в чьих трудах нельзя не увидеть влияние марксизма, порой – решающее. П.А. Сорокин, напомним, был членом партии социалистов-революционеров, сформировавшейся не без воздействия марксизма; в начале 1950-х гг. антисоветский и антикоммунистический маккартизм в США коснулся и его – социалист, как-никак. Приведенный список социологов – лишь одно из свидетельств того, что без влияния марксизма трудно представить себе развитие современной теоретической социологии. «Левые» взгляды в социологии сказываются и в подходах к проблематике перемен в современном мире, к цифровизации, модернизации, ко всему, чем живет и движется вперед мысль социологов-теоретиков.

Под влиянием «левых» взглядов складывается полемический узел вокруг происходящих в последние десятилетия перемен. В этой полемике, обозначаемой часто термином «дискурс», несколько заслоняющим остроту и важность споров, речь среди прочего идет и об отношении социологов (всей общественности, что бы это слово ни означало) к гуманизму, к человеку (подробнее см.: [Катерный, 2021]). В Средние века рождение гуманизма было частью движения к новому времени, новому миропониманию, к новым подходам в науках, к новым траекториям мысли ученых. Многообразие порожденных Ренессансом идеологических и научных концепций (наряду с трагическими последствиями войн, террора, революций) заслонило представления о реальной сущности и важности гуманизма в истории¹². В сегодняшней «повестке» проблематика цифровизации с ИИ, ИС и т.п. затронет научные концепции человеческого бытия, так же, как и сущность самого человека. Этого нельзя забывать. Всегда, как и сейчас, – по множеству параметров, перечислять которые здесь нет возможности, сущности человека трактуются по-разному. Но в условиях цифровизации речь уже идет о модели человека – иной, нежели сегодня. Если сегодня человек рассматривается через призму оптики ренессанса, гуманизма, сливающихся с освободительными идеями марксизма, как будет поставлен этот вопрос завтра? Суть грядущих преобразований в социальной сфере предугадать сейчас, конечно, трудно. Ограничиться формулой «постчеловек» могут лишь люди, забывающие о миссии научного знания. Поэтому сложности пути к научному решению комплекса вопросов о человеке и гуманизме показаны ниже на «мини»-примере «реляционной социологии» и на макропримере проблем развития современной российской теоретической социологии.

В теоретической социологии с конца XX в. начали отводить социальности, социальной реальности и отношениям ключевую роль в формировании представлений

¹² Показательно, что в упомянутом интервью бывшего президента МСА его китайский собеседник подчеркнул важность начинать диалог людей разных убеждений с «исходных, общих проблем, стоящих перед всеми» (с. 9).

о предмете нашей науки – в отличие от социального действия у М. Вебера, Т. Парсонса и др. В теории Георга Зиммеля и ряда немецких социологов 1920-х гг., Э. Гоффмана и разделявших его взгляды социологов конца XX – начала XXI в.¹³ в центре социологического теоретизирования стоят отношения. От порядка интеракций Гоффмана протянулась цепочка к теориям Б. Латюра, к «реляционной» (*отношенческой*: relations – отношения) социологии М. Эмирбайера [Emirbayer, 1997]¹⁴ и т.д. Отдельно отмечу: П. Сорокин, после 1947 г., занимаясь проблемами альтруизма (это тоже, бесспорно, форма отношений), шел к *отношенческой*, думаю, фундаментальной для него стороне социальной реальности, мимо которой не проходят и отечественные социологии сегодня.

В дискурсе теоретической социологии в России последних двух десятилетий, как представляется автору данной статьи, в центре стояли следующие темы: Возможна ли она в нашей стране? Каковы ее теоретические основания? О первом вопросе писалось много; привлекло внимание читателей к двум упускаемым из виду сторонам споров того периода. Остроумно реагировал на тезис об отсутствии в России теоретической социологии давний автор «Социологических исследований» Ю.Л. Качанов. Его аргумент был прост и убедителен: сам факт постановки и обсуждения вопроса об отсутствии теоретической социологии есть признание «присутствия» таковой – пусть и в форме ее отсутствия [Качанов, 2000: 9]. Опровергает утверждения об отсутствии в современной России социологической теории многотомный труд «История теоретической социологии» под редакцией Ю.Н. Давыдова – обзор движения теоретической социальной (и социологической) мысли в мире от античности до постмодернизма начала XXI в. («реальности, данной нам в ощущениях»). Этот труд готовился в самом конце XX в. и вышел в начале XXI в. Немного найдется стран в современном мире, где ученые-обществоведы без участия зарубежных авторов за пять лет выпустили бы два издания масштабного аналитического труда объемом в 4–5 тысяч страниц. Значит, не только источники и составные части, но и основы научного понимания социального мира были усвоены советской социологией. Ю.А. Левада [1968: 14] подчеркивал ошибочность точки зрения на социологию, «когда она сводится только к совокупности экспериментальных исследований». Социологи СССР изначально умели находить и анализировать теоретические основы своего знания. Жаль, что со смертью Ю.Н. Давыдова и ряда ключевых авторов не нашлось продолжателей его проекта истории теоретической социологии.

Тенденции мировой социологии и собственный опыт теоретической работы социологов постсоветской России показали невозможность мыслить и применять социологическую теорию вне контекстов времени и места. Востребованным оказался поиск иного рода: на каких научных основаниях разрабатывать связи (возможно, и определяющую роль) для нашей социологической теории цивилизации, культуры, идентичности и т.п., отпечатавшихся в облике современной России?

Ориентиры успешного поиска – тем более адекватные запросам времени и народа его результаты – нашей наукой пока, по мнению автора, не установлены в достаточной мере. Наследие П.А. Сорокина, его социальная и культурная динамика, над чем он работал всю свою жизнь, прочитаны поверхностно. К тому же советский период истории страны Сорокину довелось наблюдать со стороны (со стороны действительно виднее, но не всё). Найденный им на российской почве альтруизм он сделал достоянием

¹³ Неточностью страдает встречающийся в отечественных публикациях акцент на «театральной» метафоре в наследии Э. Гоффмана (1922–1982); сам Гоффман отрицал такую оценку (см., в частности, [Кравченко, 2020]). Итогом его трудов в науке видится статья «Порядок взаимодействий (интеракции)» людей, институтов, групп, – доклад Президента Американской социологической ассоциации, целиком посвященный отношениям и взаимодействиям людей [Goffman, 1983].

¹⁴ В 1920-е гг. в Веймарской республике существовало направление (Л. фон Визе и др.), рассматривавшее социологию как *учение об отношениях – Beziehungslehre* [Moebius, 2015: 6, 8 u.a.]. В этом смысле «реляционный» поворот М. Эмирбайера вторичен, а подход Гоффмана продолжал поиски немецких социологов между мировыми войнами.

человечества. Возможно, и представления А.А. Зиновьева о советском обществе и современности, отмеченные травмой жизни ученого, его понимание социологии как научной дисциплины¹⁵, релевантные заботам теоретиков сегодняшнего дня, будут освоены, признаны и войдут в *мейнстрим* отечественного социального теоретизирования.

Дискурс о содержании теоретического фундамента российской социологии находится в начальной стадии. Обозначились, как представляется, умозрительный и эмпирицистский (накопление доказательной аргументации) подходы. О невозможности теоретической социологии в России говорить перестали. К тому же в российской социологии на современном этапе никак не удается преодолеть «существенный разрыв между богатством накопленного эмпирического материала, определенными достижениями в разработке теорий среднего уровня и явно недостаточной осмысленностью накопленной первичной информации на общетеоретическом уровне» [Култыгин, 2009: 589]. В работе «на общетеоретическом уровне», с учетом данного обстоятельства, опыт социологов других стран, иных культур и цивилизаций, безусловно, важен.

На практике «обкатку» в этом плане прошла в России одна из базовых теорий социологии последних десятилетий – теория модернизации. При этом проявилась способность отечественных социологов мыслить вне шаблонов, или, говоря модным у части коллег *сленгом*, – устоявшихся «паттернов», применять это теоретическое понятие в решении практических задач. Так поступил, сотрудничая с китайским ученым Хэ Чуаньци, Н.И Лапин, формулируя теоретические основы для исследования проблем модернизации и цивилизационных факторов развития всего многообразия регионов России [Атлас модернизации России...].

Важными для отечественной теоретической социологии остаются главы исторического наследия нашей страны, связанные с проблемами незавершенного строительства общества, альтернативного капиталистическому. Постколониальная социология, в частности, такую альтернативу предполагает искать с целью ее применения в странах, находившихся под колониальным господством. Но, надо подчеркнуть, что под лейблом постколониализма (да и просто по заказу) в отдельных постсоветских странах сформированы якобы научные «дискурсы» о постколониальной проблематике, акцентирующие якобы колониальный характер СССР. Такая научная контрабанда свидетельствует о позорно короткой памяти. Аутентичный колониализм – это рабство, рабовладительство, работорговля, расизм и т.п. – формы господства бывших метрополий. Такого история нашей страны, включая историю пребывания народов бывшего СССР в едином государстве, не знала и не переживала в действительности. В ряде регионов СССР, ныне независимых государствах, речь шла в свое время о движении к социализму, минуя капитализм. Такой опыт, как о том свидетельствуют мемуары, например, бывшего казахстанского лидера Д.А. Кунаева¹⁶, вызывал интерес у руководства освобождавшихся от колониализма стран [Кунаев, 1993]. Это лишь одна грань вклада, который наша социология могла бы внести в поиски тех, кто ищет в постколониальной социологии собственный, не продиктованный извне путь, и испытывает дефицит нужных для достижения этой цели теории и знаний. Мало изучены проблемы «реального социализма» как реализации альтернативного капитализму пути, а также формирования культуры и цивилизации России с такими её «характеристиками», как справедливость, человечность, патриотизм, бескорытность («нестыжательство»), чистота мыслей и действий и др. Здесь большое поле деятельности для работающих с социологическими теориями ученых.

Особенностью социологической мысли советского времени было и остается то, что, выросши под «зонтиком» теории Маркса и Ленина, она не боялась проблем «большой теории». Не боялись ее и в более удаленном прошлом наши соотечественники-мыслители,

¹⁵ Журнал «Социологические исследования» надеется продолжить обсуждение наследия А.А. Зиновьева как социолога и делает к этому некоторые шаги.

¹⁶ Как и его коллега по компартии Узбекистана Н.А. Мухитдинов [1995].

создавшие и в социологи аутентично российские, оригинальные подходы: П.А. Кропоткин, П.А. Сорокин и др. Они – как и их западные современники в социологии – стремились обустроить жизнь людей и человечества на разумных основаниях. Это качество социологии Н.И. Лапина отмечено выше в применении к нашим дням. Теоретизирование проблем модернизации с учетом цивилизационных факторов продолжают и развивают Л.А. Беляева, петербургские социологи В.В. Козловский и Р.Г. Браславский. Теория институциональных матриц С.Г. Кирдиной-Чэндлер давно у всех на слуху. С.А. Кравченко пришел к отражающей локально-национальные факторы, генотип культуры страны, концепции типов синергийных сложностей новой России. Эта концепция эффективно используется им для анализа адекватных ситуаций в разных социумах.

В ряду разработанных и разрабатываемых российскими социологами общесоциологических теорий, безусловно, находится «социология жизни» Ж.Т. Тощенко – жизни человека, жизни в обществе и жизни самого общества и т.д. и т.п. С ней, представляется, были связаны поиски С.И. Григорьева (1948–2019) [Григорьев, 2007]; своими теоретическими построениями Т.М. Дридзе охватила составные части предмета и объекта социологии настолько широко (социо-, антропо-, эко-, культур- и др.), что само собою напрашивается подведение этого комплекса факторов под рамочную (арочную) теорию наподобие «социологии жизни». Ж.Т. Тощенко посвятил обоснованию этого типа теоретизирования (как мне представляется) историко-философскую статью о ноуменах [Тощенко, 2019]. Акцент на этом аспекте эволюции социальной теории, возможно, есть признак расставания с полосой истории социологии, когда над умами ученых разных отраслей науки довлело открытие А. Эйнштейном мельчайших частиц материи; в нашем случае – материи социальной. Касается материи социальной и иного рода высказывание Эйнштейна, звучащее, примерно¹⁷, как «материя есть застывшая энергия». В этом смысле социология изучает застывшую и застывающую энергию действий, взаимодействий, отношений людей, генерирующих энергию движения социальности и творения социальной реальности. К тому же жизнь – это диагноз и времени, и заболеваний, подобных ковиду и тому, о чем писал Ст. Тернер [2023: 15], говоря о сходстве социологии с медициной.

Есть и за рубежом публикации о социологии жизни, например, вышедшая в 2018 г. книга группы немецких социологов. Ее авторы подчеркивают, в частности, связь идей социологии жизни с витализмом, с реляционистским, отношенческим теоретизированием: «концепты социологии жизни отличаются реляциональными определениями жизни» [Delitz, Nungesser, Seyfert, 2018: 11]. Характерны и некоторые отличия книги Тощенко о социологии жизни от труда немецких ученых на ту же тему. Российские традиции научного письма – по меньшей мере сегодня – отличны от европейского, – это бросается в глаза. «У нас» поиск путей постижения проблемы, «там» опора на дискурсивную специфику подходов к социологии жизни в разное время, в разных странах, среди ученых разных убеждений (Г. Зиммель, Г. Тард, С. Лэш, М. Фуко, Б. Латур, Дж. Урри, К. Леви-Стросс и др.). Возможно, разница определена тем, что Тощенко не нужна (в отличие от молодых, в основном немецких коллег) опора на авторитеты – он сам авторитет. Тощенко-теоретик идет от эмпирических данных, опираясь на свой опыт многолетнего изучения реальности. В большинстве разделов немецкого труда на первом плане – релевантность позиций коллег из разных стран. Тощенко тяготеет к материальным сторонам жизни и науки, западные коллеги – к сфере научных позиций, мнений, идейной и политической конъюнктуры. И так далее.

Тощенко внимательно следит за новациями в поле зарубежной и отечественной теоретической социологии; он сделал теоретическую рубрику приоритетной для журнала, включая публикации переведенных текстов зарубежных теоретиков. Многих из современных классиков он лично знает, добывал у них тексты для публикации в журнале; подметил увлечение социологов, в том числе из Германии, тем, что называют диагностикой времени

¹⁷ Неловко сослаться на книгу американского генерала об истории атомного оружия; но пока найти удалось лишь подтверждение, что у Эйнштейна подобное высказывание есть.

и общества, связанное с именами К. Мангейма, Ю. Хабермаса и др. (см.: [Reese-Schäfer, 1996; Норо, 2002]). Его историческое образование сказалось во внимании к весьма значимым для социологии достижениям историков, археологов, этнографов, антропологов и др. В своем теоретизировании Ж.Т. Тощенко использует возможности исторической социологии, изучает развертывание реальной жизни во времени и пространстве. Освоение этой проблематики позволяло и позволяет ему эффективно вводить специальные исторические знания в анализ социальных граней текущей современности, в теоретическое оснащение и подготовку новых поколений отечественных социологов.

Вместо заключения. На этом, пожалуй, завершу очерк движения современной социологической теоретической мысли в России и за рубежом (преимущественно в западном зарубежье, где социология остается продвинутой, в сравнении с социологиями постколониальной, восточной, южной и др.). Будем надеяться, что «диалог», провозглашенный XX конгрессом МСА, обогатит теоретические основания нашей науки. Минувшие десятилетия движения по этому пути российской социологии принесли обнадеживающие результаты. Наука в современной России, а журнал «Социологические исследования» видит себя ее частью, идет путем, намеченным Петром I: организация и проведение научных исследований, направленных на получение новых знаний о законах развития природы, общества, человека и способствующих технологическому, экономическому, социальному и культурному развитию России¹⁸. Надеюсь, лет через десять наш журнал констатирует прогресс российской теоретической социологии на этом пути, обсудит тенденции и новые смыслы перемен в социологической теории и в социальных науках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Весь мир, 2016.
- Барбалет Д. Гуанси и социальный обмен: эмоции, власть, коррупция // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 30–41. DOI: 10.7868/S0132162517120042.
- Григорьев С.И. Основы виталистской социологии XXI века. М.: Гардарики, 2007.
- Катерный И.В. Постгуманизм. Человек в эпоху новой социальности: метаморфозы, нарративы, дилеммы. М.: Ленанд, 2021.
- Качанов Ю.Л. Теоретические предпосылки эмпирического исследования социологической теории // Социологические исследования. 2000. № 10. С. 3–10.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. Запрос на глобальный диалог (заметки с юбилейного социологического конгресса) // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250029332-8.
- Кравченко Е.И. Стертые метафоры Э. Гофмана // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 3–15. DOI: 10.31857/S013216250020831-7.
- Култыгин В.П. Современное состояние отечественной социологии (§ 3. Гл. 22) // История социологии / Отв. ред. Г.В. Осипов, В.П. Култыгин. М.: НОРМА, 2009.
- Кунаев Д.А. О моем времени. От Сталина до Горбачева. Алматы: Меломан. 1993.
- Левада Ю.А. Лекции по социологии. М.: ИКСИ АН СССР, 1968.
- Мангейм К. Диагноз нашего времени М.: Юрист, 1994.
- Мухитдинов Н.А. Река времени: От Сталина до Горбачева. М.: ФПК, Руст-Рости, 1995.
- Норо А. «Диагноз времени» как третий жанр социологической теории // Социологические исследования. 2002. № 2. С. 3–12.
- Романовский Н.В. Еще раз о роли теоретической социологии // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 93–101.
- Смирнов А.В. К вопросу об особенностях арабской семиотической теории // Невербальное поле культуры. Мат. науч. конф. М.: РГГУ, 1995. С. 149–150.
- Тернер С.П. Прогресс социологии? (перевод Н.В. Романовского) // Социологические исследования. 2023. № 7. С. 3–16. DOI: 10.31857/S020736760026579-5.
- Тощенко Ж.Т. От феномена к ноумену: опыт методического и методологического поиска // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250004582-3.
- Тощенко Ж.Т. Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016.

¹⁸ 10-й параграф действующего Устава Российской академии наук – в пересказе автора.

- Фильк Д., Рам У. Марксизм после постмодернизма: переосмысливая субъект политики освобождения // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 22–32.
- Ханафи С., Тинян Чж. Система Тянься и умная демократия: интервью с Чжао Тинянем // Глобальный диалог. 2024. № 1. С. 3–9.
- Хоннет А. Идея социализма. Попытка актуализации. М.: Директмедиа, 2022.
- Штомпка П. Социология социальных изменений (пер. с англ.) / Под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект-пресс, 1996.
- Delitz H., Nungesser E., Seyfert R. (Hg.) *Soziologien des Lebens*. Bielefeld: Transscript Verl, 2018.
- Emirbayer M. Manifesto for relational sociology // *American sociological review*. 1997. No. 3. P. 281–317.
- Goffman E. The Interaction Order: American Sociological Association, 1982 Presidential Address // *American Sociological Review*. 1983. Vol. 48. No. 1. P. 1–17.
- Hanafi S. Toward a dialogical sociology: Presidential address – XX ISA World Congress of Sociology 2023 // *International Sociology*. 2024. Vol. 39. No. 1. P. 3–26.
- Moebius St. Die Geschichte der Soziologie im Spiegel der Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie // *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. 2017. Suppl. 1, 69. S. 3–44.
- Reese-Schäfer W. Zeitdiagnose als wissenschaftliche Aufgabe // *Berliner Journal für Soziologie*. 1996. No. 3. P. 377–390.
- Schwinn T. Klassikerdämmerung. 100 Jahre Max Weber im Kontext der Soziologiegeschichte und des aktuellen Zustandes unserer Disziplin // *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. 2020. No. 3. P. 351–381.

Статья поступила: 15.05.24. Принята к публикации: 15.07.24.

CHANGES IN GLOBAL AND RUSSIAN THEORETICAL SOCIOLOGY

ROMANOVSKIY N.V.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia; journal "Sociological Studies", Russia; Russian State University for Humanities, Russia

Nikolay V. ROMANOVSKIY, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Chief Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS; Deputy Head Editor of the journal "Sociological Studies"; Prof. of the Russian State University for Humanities, Moscow, Russia (socis@isras.ru).

Abstract. The article presents an overview of changes in contemporary theoretical sociology over the past two-three decades from the position of an employee of the journal "Sociological Studies" who supervised the relevant sections during these years. It is proposed to consider changes in the world, in particular the formation of its multipolarity, as the main driving force of changes in sociology and its theoretical sections. By now, the decolonization of countries and continents activates scholars whose approaches to sociology differ from those of M. Weber, T. Parsons, etc. who shaped sociology, oppose them in some respects, and seek concepts adequate to the social reality of liberated countries and peoples in the past and present. A qualitatively new toolkit of sociology, associated with the possibilities of digitalization, is also among the factors. Such a prospect of changes in sociological theory as sociology's rise to the level of "social science" is also discussed. It is noted that humanism and the "agenda" of the Left – justice, equality, development of society and individuals, etc. – have become the content core of changes in sociological theorizing in recent decades. In conclusion, the main processes in Russian sociological theory are considered.

Keywords: modern sociological theories, factors of change, digitalization, social science, humanism, postcolonialism, "left" sociologists, Russian sociology.

REFERENCES

- Atlas of modernization of Russia and its regions: socioeconomic and sociocultural trends and problems*. (2016) Comp. and ed. by N.I. Lapin. Moscow: Ves Mir. (In Russ.)
- Barbalet D. (2017) Guangxi and social exchange: emotions, power, corruption. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 30–41. DOI: 10.7868/S0132162517120042. (In Russ.)
- Delitz H., Nungesser E., Seyfert R., hg. (2018) *Soziologien des Lebens*. Bielefeld: Transscript Verl, 2018.
- Emirbayer M. (1997) Manifesto for relational sociology. *American sociological review*. No. 3: 281–317.

- Filk D., Ram U. (2015) Marxism after postmodernism: rethinking the subject of the politics of liberation. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 22–32. (In Russ.)
- Goffman E. (1983) The Interaction Order: American Sociological Association, 1982 Presidential Address. *American Sociological Review*. Vol. 48. No. 1: 1–17.
- Grigoriev S.I. (2007) *Fundamentals of vitalist sociology of the 21st century*. Moscow: Gardariki. (In Russ.)
- Hanafi S. (2024) Toward a dialogical sociology: Presidential address – XX ISA World Congress of Sociology 2023. *International Sociology*. Vol. 39. No. 1: 3–26.
- Hanafi S., Zhao Tingyan. (2024) The Tianxia system and smart democracy: an interview with Zhao Tingyan. *Globalnyi dialog* [Global dialogue]. No. 1: 3–9. (In Russ.)
- Honneth A. (2022) *The idea of socialism. Attempt to update*. Moscow: Directmedia. (In Russ.)
- Kachanov Yu.L. (2000) Theoretical prerequisites for empirical research of sociological theory. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 3–10. (In Russ.)
- Kateryn I.V. (2021) *Posthumanism. Man in the era of new sociality: metamorphoses, narratives, dilemmas*. Moscow: Lenand. (In Russ.)
- Kirdina-Chandler S.G. (2023) Request for global dialogue (notes from the anniversary sociological congress). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 3–14. DOI: 10.31857/S013216250029332-8. (In Russ.)
- Kravchenko E.I. (2020) Erased metaphors of E. Hoffmann. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 3–15. DOI: 10.31857/S013216250020831-7. (In Russ.)
- Kulygin V.P. (2009) The current state of domestic sociology (§ 3. Chapter 22). In: *History of sociology*. Rep. ed. G.V. Osipov, V.P. Kulygin. Moscow: NORMA. (In Russ.)
- Kunaev D.A. (1993) *About my time. From Stalin to Gorbachev*. Almaty: Meloman. (In Russ.)
- Levada Yu.A. (1968) *Lectures on sociology*. Moscow: IKSI AN SSSR. (In Russ.)
- Manheim K. (1995) *Diagnosis of our time*. Moscow: Yurist. (In Russ.)
- Moebius St. (2017) Die Geschichte der Soziologie im Spiegel der Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. Suppl. 1, 69: 3–44.
- Mukhitdinov N.A. (1995) *River of time: From Stalin to Gorbachev*. Moscow: FPK, Rusti-Rosti. (In Russ.)
- Noro A. (2002) "Diagnosis of time" as the third genre of sociological theory. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 3–12. (In Russ.)
- Reese-Schäfer W. (1996) Zeitdiagnose als wissenschaftliche Aufgabe. *Berliner Journal für Soziologie*. No. 3: 377–390.
- Romanovsky N.V. (2014) Once again about the role of theoretical sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 93–101. (In Russ.)
- Schwinn T. (2020) Klassikerdämmerung. 100 Jahre Max Weber im Kontext der Soziologiegeschichte und des aktuellen Zustandes unserer Disziplin. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. No. 3: 351–381.
- Shtompka P. (1996) *Sociology of social changes* (trans. from Eng.). Ed. by V.A. Yadov. Moscow: Aspectpress. (In Russ.)
- Smirnov A.V. (1995) On the question of the features of Arab semiotic theory. In: *Nonverbal field of culture*. Proceed. of the scientif. conf. Moscow: RGGU:149–150. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2016) *Sociology of life*. Moscow: UNITY-DANA. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2019) From phenomenon to noumenon: experience of methodological and methodological search. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 3–14. DOI: 10.31857/S013216250004582-3. (In Russ.)
- Turner S.P. (2023) Progress of sociology? (translation by N.V. Romanovsky). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 3–16. DOI: 10.31857/S020736760026579-5. (In Russ.)

Received: 15.05.24. Accepted: 15.07.24.